

Все приведенные примеры говорят о том, что дошедший до нас единственный список первой редакции «Слова о законе и благодати» дает его несколько измененный, лексически модернизированный текст. Поэтому для восстановления архетипного текста первоначальной редакции этого произведения необходимо использовать древнейшие списки его последующих редакций, особенно второй, отличающейся от первой лишь отсутствием концовки, содержащей похвалу Ярославу Мудрому. «Отсечение» этой концовки было сделано, конечно, неспроста, а с явной целью приуменьшить и свести почти на нет восхваление в «Слове» сына и наследника князя Владимира, что дает основание для разделения этих двух редакций; однако в остальном содержание «Слова о законе и благодати» в его второй редакции не подверглось переработке.

Третья редакция «Слова» представлена довольно компактной (в смысле незначительности разночтений) группой из 10 списков. Два из них фрагментарны: один (рукопись конца XV в.: ГПБ, Кир.-Бел. 134/1211) состоит из двух отрывков первой части «Слова», второй (рукопись XV в.: ГПБ, Сол. 940/830) представляет его заключительную часть — «Похвалу князю Владимиру». Старейшим в этой редакции является список Мусин-Пушкинского собрания 1414 г., упомянутый в начале настоящей статьи и погибший вместе со всем собранием в 1812 г. С этого сборника, кроме факсимиле трех строк заглавия «Слова о законе и благодати», А. И. Ермолаевым была снята копия, хранящаяся в настоящее время в ГПБ (шифр Ф. I. 295).¹⁹ К концу XV в., кроме названного выше фрагмента, относится еще один, полный и исправный список в сборнике 1494 г. из Соловецкого монастыря (ныне в ГПБ — Сол. 518/537).

Основным отличием третьей редакции «Слова о законе и благодати» от двух остальных является вставка в его текст двух довольно больших кусков. Первый из них, вставленный в самом начале «Слова» и озаглавленный «Слово о Христе и Адаме», представляет собой образец довольно распространенного в богословской литературе толкования образов и событий Нового завета с помощью соотнесения их с персонажами и эпизодами Ветхого завета. Второй отрывок представляет собой также выписки из Библии — из книг пророков. Он весь целиком заимствован из «Повести временных лет», что давно уже было отмечено исследователями.

Тенденция к большему, чем в первых двух редакциях, использованию Библии как в цитатах, так и в толкованиях, заметный налет начетничества чувствуется на протяжении всего текста третьей редакции, что, наряду со вставками, не разъясняет, а усложняет и перегружает содержание «Слова». Чувствуется, что эта редакция вышла из-под пера богослов-книжника, которого интересовал больше не исторический и патристический элемент идейно-политического содержания этого произведения, а его религиозно-казуистическая часть. Он увеличил, например, объем многих цитат священного писания, добавляя и распространяя их либо из тех же источников, либо от себя, явно пытаясь переделать «Слово» из произведения ораторского, злободневного, публицистического в сочинение религиозно-нравочительное. Эти попытки, быть может, послужили причиной для включения именно третьей редакции «Слова» в состав Великих Четех миней, хотя здесь могло сыграть роль еще одно обстоятельство: все списки третьей редакции «Слова о законе и благодати» XV и XVI вв. новгородского происхождения.

¹⁹ По копии, снятой с Ермолаевского списка (БАН, 24.4.41), Мусин-Пушкинский сборник был издан И. И. Срезневским.